

СЮЖЕТЫ • ОБЩЕСТВО

Интерфейс-контроль

Почему масштабное использование ИИ в политике не приведет к созданию объективной и справедливой власти

Фото: Евгений Павленко / Коммерсантъ

10:05, 18 июля 2026,

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Кажется, в школьной программе всегда существовало это задание — «напишите эссе о будущем». И советские школьники писали, и перестроечные школьники писали, и школьники девяностых писали — писали о том будущем, где однажды власть заменит суперкомпьютер.

В этом было что-то очень понятное для того времени, когда вокруг стоял тяжелый воздух распада, государство казалось то мертвым, то хищным, правила обнулились, безопасность была случайной, а жизнь слишком часто зависела от чужой наглости, силы и связей, а новые технологии, компьютеры, мобильные телефоны и интернет уже выглядели как щель в другой, более разумный мир. Если власти коррумпированы, судьи ошибаются, депутаты управляемы чужими интересами, почему бы не отдать управление холодной, точной машине. Тогда это звучало как фантастика.

Сейчас похожая мысль возвращается уже в виде дружелюбных и поддерживающих нейросетей, которые, оказывается, даже не такие бесчеловечные, как в мечтах молодежи девяностых, ведь на каждое наше сообщение они отвечают с пониманием и энтузиазмом. Сейчас они уже пишут тексты, помогают врачам, проверяют документы, считают риски, и где-то в глубине души снова шевелится старая надежда: «А может быть, если государство нельзя сделать справедливым благодаря людям, его можно сделать справедливым благодаря алгоритмам?»

В России эта надежда особенно соблазнительна, потому что здесь хорошо знакома усталость от человеческого произвола — и цифровое государство выглядит как обещание жизни без унижения.

«Госуслуги» в массовом воображении давно стали доказательством, что государство иногда

может быть удобным. И хоть это кажется контринтуитивным, любовь к цифровизации у российской власти не противоречит блокировкам, замедлениям и запретам.

Блокировка в данной реальности — это тоже цифровое управление, просто обращенное другой стороной. В одном случае государство убирает препятствия для удобного сервиса, в другом создает их для ограничения неудобного для них поведения. Это один и тот же технократический жест: реальность надо не обсуждать, а настраивать.

И как уже стало обыденным, когда российская власть говорит об искусственном интеллекте, она почти сразу говорит о суверенитете. Путин неоднократно называл генеративные модели вопросом национальной, технологической и ценностной независимости, говорил о дата-центрах, отечественных разработках и необходимости использовать российские модели в чувствительных сферах. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» до 2030 года тоже описывает будущее через управление на основе данных, цифровое госуправление, отечественные платформы и искусственный интеллект.

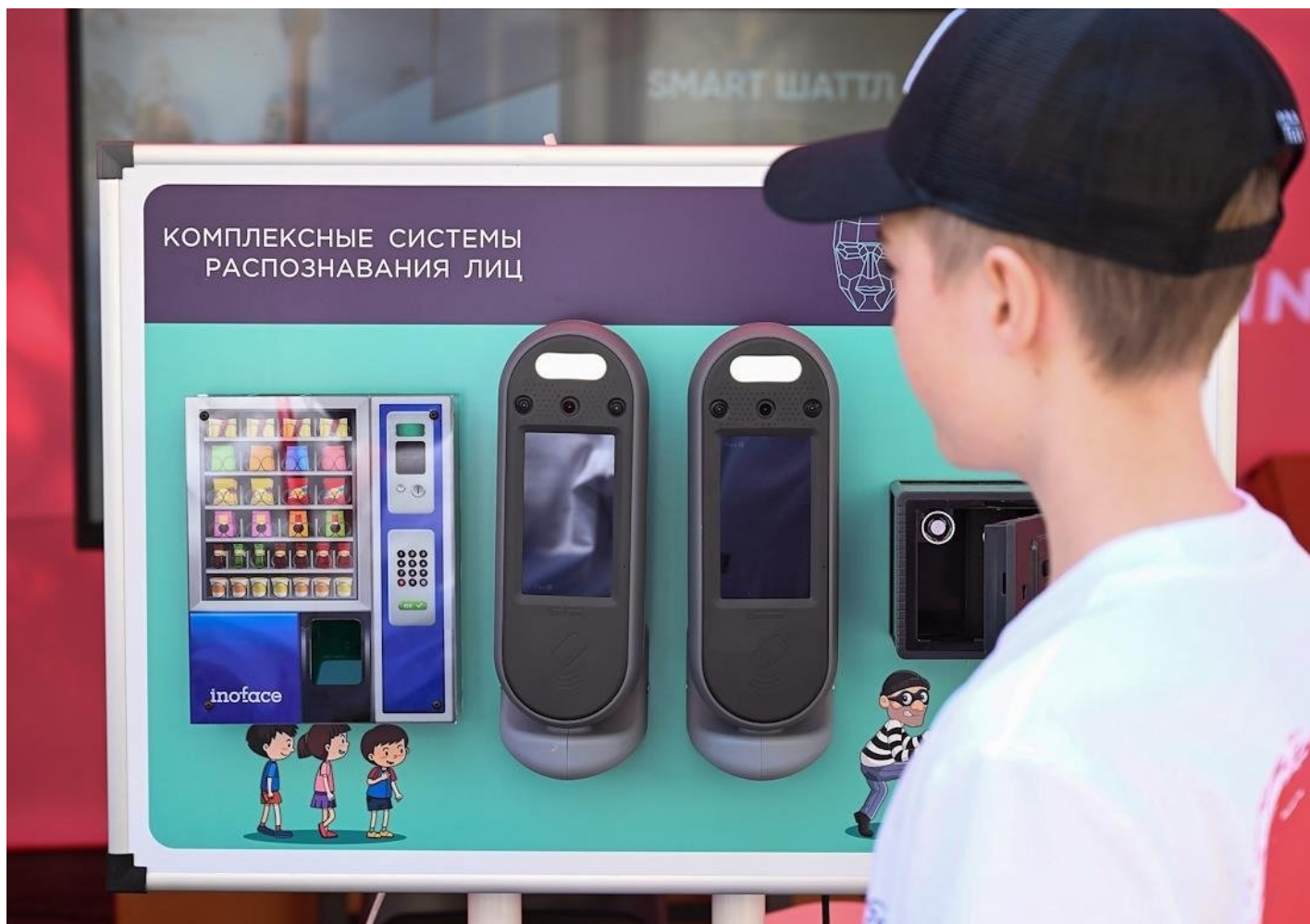

Фото: Игорь Иванко / Коммерсантъ

В этих рамках ИИ появляется как часть большого административного воображения, в котором собираются данные, ускоряются процессы, а главное — всё предсказывается, распределяется и контролируется.

И тут важно не попасть в слишком простую критику. Удобный сервис действительно удобен, и многие эмигранты, переехавшие, например, в Берлин, часто удивляются тому, как там любят бумаги и письма, хотя хорошая ИИ-модель может заметить ошибку, подсказать врачу, помочь юристу, разгрузить будни чиновника.

Проблема возникает там, где удобство начинает стирать вопрос о том, справедливо ли устроены сами правила.

Можно заменить грубого чиновника вежливым

интерфейсом, но если за интерфейсом остается закрытая система, у человека просто становится меньше возможностей понять, кто именно принял решение и как его оспорить.

И российский опыт уже несколько раз очень ясно показывал, как быстрый удобный сервис может повернуться другой стороной.

Так, в 2023 году электронные повестки в военкомат через «Госуслуги» были юридически приравнены к вручению. И это, пожалуй, самый точный пример того, почему разговор об ИИ в российской системе не может быть наивным. Технология здесь почти никогда не приходит в пустое пространство. Она приходит туда, где уже есть вертикаль, силовые органы, закрытые реестры, слабая возможность оспаривания и привычка объяснять любое расширение контроля словом «эффективность».

Поэтому, возвращаясь к фантазии о справедливом алгоритме, нужно спрашивать не только, хорошо ли он считает, но и на кого он будет работать первым.

В Москве система распознавания лиц, в основе которой — всё тот же ИИ, уже использовалась для задержаний участников протестов и для частичной мобилизации. Роскомнадзор запустил «Окулус» — систему на основе ИИ для автоматического поиска запрещенного контента в фото и видео, включая «экстремизм» и призывы к незаконным массовым мероприятиям. И здесь даже не обязательно представлять себе какой-то мрачный суперкомпьютер, который сам выносит приговоры. В такой реальности ИИ не заменяет произвол нейтральностью — он просто делает произвол быстрым, тихим и гораздо хуже различимым.

Опрос Russian Field наглядно показывает, что люди это чувствуют. В апреле 2026 года ИИ и большие языковые модели назвали приоритетной инновационной технологией 16% респондентов, у молодежи, жителей крупных городов и людей с высшим образованием этот интерес был выше. Но интерес не превращается в готовность отдать машине право решать за человека. К песне, созданной с помощью ИИ, отношение сравнительно терпимое, а вот в сценариях, где алгоритм приближается к телу, деньгам, детям и власти, оценки резко темнеют. Предположу, что, когда вопрос касается чего-то более реального, бытового, личного, респонденты могут бояться масштабирования несправедливости, с которой и так привыкли сталкиваться. К тому же если всё будет устроено по принципу «так решила система», то к кому придется обращаться в случаях, когда система ошиблась?

Фото: Евгений Павленко / Коммерсантъ

И вот здесь разговор о российском государстве неожиданно выводит к более широкому вопросу. Даже если вынести за скобки наши камеры, реестры и привычку власти превращать сервис в инструмент контроля, сама мечта о нейтральном ИИ все равно начинает рассыпаться.

В июне 2026 года Anthropic сообщила, что правительство США потребовало ограничить доступ иностранных граждан к моделям Fable-5 и Mythos-5 по соображениям национальной безопасности. Компания писала, что из-за этого ей пришлось отключить модели для всех клиентов, чтобы выполнить предписание. Еще недавно модель описывалась как универсальный интеллектуальный продукт — а сегодня доступ к ней уже определяется паспортом, юрисдикцией и экспортным контролем.

То, что казалось абстрактным разумом, мгновенно становится местом, по которому проходят государственные границы. Просто любая большая модель построена на данных, правилах, фильтрах, человеческих оценках и заранее выбранных целях. Когда компания говорит о Constitutional AI, таких как Anthropic, она признает, что поведение модели формируется через набор принципов. И тут опять же возникает видимый и в российской практике политический вопрос: кто пишет эту «конституцию»? Что считается вредом, что допустимым риском, где проходит граница между безопасностью и цензурой, между заботой и патернализмом?

Именно поэтому ИИ в государстве опасен своей способностью делать старую власть масштабируемой. Если бюрократия подозрительна к бедным, мигрантам, должникам, женщинам, матерям-одиночкам, политически неудобным людям — алгоритм не вылечит эту подозрительность сам по себе. Он может лишь быстрее найти тех, кого система уже привыкла считать проблемой.

В России технократическая мечта легко дружит с авторитарной привычкой, потому что обе любят говорить языком эффективности вместо языка прав.

Там, где нет сильного независимого суда, свободной прессы и реальной ответственности чиновника, алгоритм становится не противовесом власти, а ее новым слоем.

Наверное, поэтому мечта позднесоветских школьников о будущем одновременно трогательная и опасная. В ней есть очень человеческое желание избавиться от произвола, от усталости, от человеческой глупости и от ощущения, что твою жизнь решает кто-то случайный. Но искусственный интеллект не приносит справедливость как встроенную функцию. Он приходит туда, где уже есть распределение власти, денег, туда, где есть те, кто пишет законы. Если эти вещи устроены несправедливо, ИИ лишь размножит их.

Возможно, самый честный вывод здесь совсем не футуристический. Нам нужен не ИИ как фантазия о справедливой власти, а ИИ как подотчетный инструмент внутри справедливых институтов. Всё в итоге сводится к ним — справедливым институтам, за которые нужно бороться, нужно строить, защищать и постоянно отвоевывать у соблазна простой управляемости. Беспристрастность в политике — это устройство, где ценности названы, правила опубликованы, решения объяснимы, ошибка обжалуема, а власть не прячется за интерфейсом. Без этого суперкомпьютер очень быстро станет не заменой плохого государства, а его более гладкой, быстрой и труднее оспариваемой версией.

Василина Тиссова